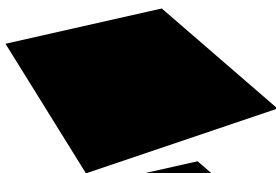

ПРОЗА ВИКТОРА
ПЕЛЕВИНА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Оформление серии «Pocket book»
Андрея Саукова

Оформление серии «Проза Виктора Пелевина»
Сергея Власова

Пелевин, Виктор Олегович.
П24 Числа / Виктор Пелевин. — Москва : Из-
дательство «Э», 2016. — 288 с.

ISBN 978-5-699-48385-3 (PB)
ISBN 978-5-699-86972-5 (ПБП)

Если числа и цифры правят нашей жизнью, совсем не обязательно она становится математически точной и понятной. Герой «Чисел» — бизнесмен ельцинской эпохи Степан — всю жизнь боялся числа 43 и доверял числу 34. Одно вело к горестям и потерям, второе — к удачам и успеху. И даже фильм про трех танкистов и собаку он полюбил именно за то, что танкистов было три, а собака была четвертой!

Но истинная свобода — в иррациональном, где нет ни тройки, ни четверки, а есть только маленькая походная сумка, загранпаспорт с открытой визой, сердце в груди и пачка долларов в кармане...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-48385-3
ISBN 978-5-699-86972-5

© Пелевин В.О., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Зигмунду Фрейду
и Феликсу Дзержинскому*

Окнов: Нет, пустите!.. Пустите!

Пусти... Вот, что я хотел сделать!

Стрючков и Мотыльков: Какой ужас!

Окнов: Ха-ха-ха!

Мотыльков: А где же Козлов?

Стрючков: Он уполз в кусты.

Даниил Хармс

I

Идея заключить с семеркой пакт созрела у Степы Михайлова тогда, когда он начинал понемногу читать и задумываться о различиях между полами. Первые формы этого альянса были примитивными. Степа рисовал семерки разного вида на разные случаи жизни. Например, большая и пустотелая, во всю страницу, защищала от тех ребят, которые были старше и сильнее. Четыре заостренные семерки, расположенные по углам листа, должны были остановить буйных соседей по палате, которые имели привычку подкрадываться во время тихого часа, чтобы ударить подушкой по голове или положить прямо перед носом какую-нибудь гадость. Однако несколько досадных происшествий, от которых семерки должны были защитить, показали, что этот метод не подходит.

Степа решил, что семерка в единственном числе обладает недостаточной силой, и принялся покрывать крошечными синими уголками страницу за страницей, чувствуя себя завоевателем, набираю-

щим армию для покорения мира. Но армия, как быстро выяснилось, не желала сражаться. Синяки, полученные Степой в летнем лагере после того, как семерками было исписано ровно семь тетрадей, показали это с полной убедительностью.

Бродя после уроков по тихим подмосковным рощам и полным сокровищ свалкам, Степа размышлял об этом, пока не понял, в чем дело. Почему-то он с самого начала решил, что семерка в курсе всех его планов. Казалось само собой разумеющимся, что она узнает о его мыслях в тот момент, когда они появляются у него в голове. А между тем сколько было в мире таких, как он! Степа догадался, что ему следует каким-то образом обратить на себя внимание семерки, сделать так, чтобы она узнала о союзе, который он хочет заключить, и выделила его из толпы.

На уроках в школе рассказывали, что в древние времена люди, которые хотели воззвать к богам, приносили им жертвы. Семерка, возможно, не была таким же богом, как Зевс или Аполлон, но явно обитала в надчеловеческом измерении. Поэтому забытая технология могла сработать.

Степа знал, что древним богам приносили в жертву быков, сжигая их на костре. Несколько недель он всерьез обдумывал ритуальный поджог одного из коровников в совхозе, который располагался неподалеку от их дачи. Были заготовлены бутылка с бензином и длинные полоски резины, которые предполагалось использовать в качестве бикфордова шнура. В последний момент Степа передумал. Все-таки это было слишком масштабным проектом.

Но бензин не пропал. Степа стянул из дома семь

банок говяжьей тушенки — это были военного вида жестяные цилиндры с похожей на фотографию со старой могилы бычьей мордой в овале. Такое количество продукта потребовало большого костра, и он обжег руку, но в целом ритуал, который он провел в лесу неподалеку от дома, прошел гладко.

Вонь горелого мяса напомнила ему о чем-то таинственном и давно забытом (даже пришло в голову странное словосочетание — «гиена огненная»). Это переживание было слишком мимолетным для анализа — так, галлюцинация памяти, тень мысли о чем-то таком, чего с ним совершенно точно никогда не происходило. Тем не менее именно это странное полувоспоминание открыло ему глаза на его ошибку.

В чем был смысл жертвоприношения? Небу предлагалось то, чем оно наделяло, — жизнь, душа. А сероватая говядина из стратегических запасов СССР была просто упаковкой, оставшейся от давно развеянной жизненной силы — точно так же, как жестяные банки были упаковкой от сторевшего мяса. Принести мертвую материю в жертву духу было все равно что подарить на день рождения пустую коробку от конфет. Доски старого забора, из которых он разложил костер, и то подходили лучше, потому что на них кое-где росла живая плесень.

Следующий шаг был прост и логичен. Степа свернул семь газетных листов в удобную длинную мухобойку и начал переправлять в иной мир мух, залетающих в кухню со двора. Чтобы их души доходили по нужному адресу, каждый раз после попадания Степа шепотом повторял непонятно как сложившийся в его голове стишок: «Семь осин и сосен

семь, семь семерок насовсем». Было не до конца понятно, сколько именно мух следовало отправить к семерке под эту считалку — то ли семь раз по семь, то ли семьдесят семь. Степа решил остановиться на втором варианте и уже подбирался к заветной цифре, когда внезапный удар судьбы сделал проект неактуальным.

Его нанесла книга, которую забыл на кухонном столе отец, даже не вся книга, а одна только фраза на развороте, куда Степа нечаянно опустил взгляд, — про некоего Штирлица, который так твердо верил в счастливое предназначение числа «семь», что, снабжая кого-то ложной информацией, старался, чтобы присутствовавшие в ней цифры давали в сумме семерку.

Степа понял, до какой степени он со своей мухобойкой неконкурентоспособен в мире, полном взрослых людей, разделяющих те же взгляды на чудесное. Их возможности были неизмеримо шире; некоторые могли отправить по магическому адресу много миллионов человек, не то что мух. Стоило ли надеяться, что семерка, окруженная сонмами могущественных почитателей, обратит внимание на него? Это было так же наивно, как рассчитывать, что слон, окруженный духовым оркестром, заметит жужжащего комара.

На долгое время Степа потерял веру в то, что из союза с цифрами можно что-нибудь извлечь. Даже сама мысль, что его можно заключить, стала представляться ему сомнительной.

Потребовалось несколько лет, чтобы рана в ду-

ше затянулась и Степу посетили новые идеи относительно цифр и чисел.

Семерка была всеобщей избранницей. К ней обращались все — британские суперагенты, сказочные герои, города, стоящие на семи холмах, и даже ангельские иерархии, имевшие привязанность к седьмому небу. Семерка была избалованной и дорогой куртизанкой, и неудивительно, что скромные Степины ухаживания оставались без ответа. Но она была не единственной цифрой на свете.

Однако Степа, наученный печальным опытом, не спешил выбрать какую-то другую. Он догадывался, что, к какой цифре он ни повернись, в мире найдется много людей, сделавших тот же выбор. А чем больше у него будет конкурентов, тем меньше шанс, что выбранная цифра откликнется на его волхования или хотя бы догадается о его существовании. С другой стороны, логика подсказывала, что двузначные и трехзначные числа не так избалованы вниманием.

Степа интуитивно чувствовал, что цифры от единицы до девятки были могущественнее двузначных чисел, а двузначные — сильнее трехзначных, и так далее. Но ему запали в душу слова Цезаря, услышанные на уроке истории, — «лучше быть первым в галльской деревушке, чем последним в Риме» (учительница оговорила, сказав «лучше быть первым в Риме, чем последним в галльской деревушке», но Степа понял, что это ошибка, потому что для Цезаря это звучало бы слишком самодовольно). И он принялся подбирать галльскую деревушку поспокойнее.

После долгих размышлений он остановил выбор на числе «34». В сумме четверка и тройка давали ту же самую семерку. Это наделяло число «34» подобием небесной генеалогии, как у греческих героев, возводивших свою родословную к богам. Степа не предавал свое изначальное божество, он находил более рациональный способ воззвать к нему. Кроме того, как и семерка, тройка с четверкой были особенными цифрами — они имели цвета. Степа помнил, что раньше, когда он был совсем маленьким, цвета были у всех цифр. Потом они стерлись, только у четверки остался хорошо различимый зеленый, у семерки — синий, и у тройки — слабые следы оранжевой краски на центральном выступе.

Было много других соображений, которые Степа принял во внимание, — например, «тридцатьчетверка» была лучшим русским танком Второй мировой, и, значит, число «34» несло на себе отраженный свет удачи и победы. Выбор, который он сделал, вызревал в его уме так долго, что было даже не до конца ясно, он ли выбрал число «34» или оно его.

Он был уже большой мальчик — школа близилась к концу, и под носом у него темнели пробивающиеся усы, похожие на два минуса, которые, как он надеялся, должны были со временем дать обещанный математикой плюс. Теперь он стал осмотрительнее. Обзаведясь новым патроном в мире чисел, он не стал повторять своего жестокого мухоприношения. Числу «34» были ни к чему мертвые мухи и даже мертвые люди, он понимал это ясно. Следовало идти другим путем — не совершать невнятные магические ритуалы, а пропитать этим числом всю

жизнь, слиться с ним, доказав свою преданность ежедневным усердием.

Степа начал с того, что стал вставать не в шесть тридцать, как раньше, а в шесть тридцать четыре. Так же сдвинулись все остальные точки его расписания, которые зависели от него. Назначая встречу на половину шестого, он приходил на четыре минуты позже, специально задерживаясь в вестибюле метро, чтобы дать стрелке переползти на несколько делений вперед. Когда рациональная часть ума начинала нашептывать, что его поведение глупо, для нее был наготове рациональный ответ.

Все вокруг меняется каждый миг, и в каждый момент мир представляет собой сумму иных обстоятельств, чем секундой до или после. Люди, с которыми мы имеем дело, тоже постоянно меняются и ведут себя по-разному в зависимости от того, какие именно мысли попадают в моментальное сечение их умов. Поэтому, выбирая временную и пространственную точку своей встречи с миром, мы занимаемся совершенно реальной магией, может быть, даже единственно возможной магией, потому что каждый раз мы решаем, в какой именно мир нам вступить. В одном нас ждет падающий из окна горшок с бегонией или несущийся из-за угла грузовик, в другом — благосклонная улыбка Незнакомки или толстый кошелек на краю тротуара, и все на одних и тех же улицах... Эти слова Степа нашел много позже, уже тогда, когда научился превращать числа в деньги, но сама мысль, на которую они указывали, в неоформленном виде была знакома ему со школы.

Засыпая, он считал не до ста, а до тридцати че-

тырех, потом опять до тридцати четырех, и так далее. Выбирая в кафе, за какой из столиков сесть, он начинал считать их по кругу, по несколько раз каждый, пока не добирался до тридцати четырех. Перед тем как нырнуть в море с пирса, он делал тридцать четыре быстрых вдоха. Каждый раз, когда надо было принять решение, он тем или иным способом привязывал его к священному числу. Это давало ему чувство, что он идет по уникальному маршруту, отличному от других человеческих жизней. И, хоть внешне его судьба ничем не отличалась от судеб сверстников, маршрут действительно был необычен. Когда Степа прошел по нему достаточно далеко, он стал получать подтверждения одно за другим. Или, может быть, научился их узнавать.

Однажды в летнее воскресенье он сидел дома и рассеянно глядел в окно. Вдруг с улицы понеслись тяжелые удары — на стройке заработала машина, забивающая в грунт металлические сваи. Степа непроизвольно начал считать их. Ударов оказалось ровно тридцать четыре, потом машина остановилась и больше о себе не напоминала. В этом, возможно, не было бы ничего особенного, если бы за секунду до первого удара он не подумал, что так и не знает, удалось ли ему достучаться до сердца своего божества. Кроме того, это произошло в выходной, когда на стройках никто не работает, — последнее обстоятельство окончательно убедило Степу, что случившееся было знаком.

В другой раз, когда его посетили сомнения, он, повинувшись импульсу, включил телевизор. На экране появились титры польского фильма «Три танкиста

и собака» — что означало, как он сразу догадался, «34» — три (танкиста) и три плюс один (полный экипаж). Если в таком подходе и была небольшая натяжка, ее можно было извинить, вспомнив, что танк, на котором ездили собаколюбивые поляки, назывался «Т-34».

17

Рано с утра в свой семнадцатый день рождения — особенный, потому что семнадцать на два давало тридцать четыре, — он решил устроить окончательный экзамен себе и избранному числу. Он загадал, что этот союз приведет его к цели (правда, что это за цель, он пока не знал), если в номере билета, который он купит в кинотеатре, окажутся цифры «3» и «4». Чтобы придать событию достаточную протяженность во времени, Степа выбрал кинотеатр на другом конце Москвы. Часовая поездка на метро стала подобием восхождения к горному храму, во время которого от человека отлипают накопленные в миру грехи.

Билет был куплен ровно за тридцать четыре минуты до начала фильма. Степа вышел на улицу и, глубоко вздохнув, заглянул в него, словно игрок, открывающий карту, от которой зависит вся партия.

В шестизначном номере не оказалось ни троек, ни четверок. Номер ряда был одиннадцать. Номер места — пятнадцать. Степа почувствовал, как мир, который он столько лет создавал по кусочкам, разваливается на части. Экзамен был провален.

Купив в ближайшем магазине бутылку портвей-

на, он выдул ее из горлышка в подъезде, покурил немного у заплеванного окна и пошел по купленному билету в кино — делать все равно было нечего. Усевшись на свое место, он опустил взгляд на спинку кресла впереди и почувствовал, как зал начинает крениться набок. Но дело было не в выпитом.

Перед ним чернела жирная надпись несмысленным маркером: «САН-34». Что такое «САН», он не знал — может быть, группа в каком-нибудь учебном заведении или что-нибудь в этом роде. Зато он хорошо знал, что такое «34». Степа провел по надписи пальцем. Дерматин обивки был прохладным и шероховатым. Он несколько раз моргнул, проверяя, не обманывает ли его зрение. Потом он заверещал на весь зал, и от неприятностей его спасло только начавшееся затмение перед сеансом.

После этого случая стало окончательно ясно, что пакт, о котором он мечтал с детства, заключен. Приятной новостью было и то, что у числа «34» появились союзники — «17» и «68». Степа не назначал их на эту роль — все произошло само собой. Просто в какой-то момент он понял, что эти два числа служат тридцати четырем, являясь вестниками — еще не самим солнцем, а обещанием света, сиянием на кромке расступающихся облаков.

Поняв, что услышан, Степа не только обрадовался, но и испугался. Было не очень понятно, кем именно он услышан. Иногда ему становилось жутко — он понимал, что втянулся в странную игру, выйти из которой будет непросто.

Такие попытки были. Однажды, совершая посвященный числу «34» ритуал, он отсидел в темном

деревенском погребѣ тридцать четыре часа и натерпелся серьезного страха. Были даже галлюцинации, на редкость малоинтересные, — простоволосая баба в юбке из мешковины начинала переставлять горшки в углу каждый раз, когда он о чем-то задумывался и забывал, что никаких горшков и бабы там нет. После этого опыта он решил, что сходит с ума, и дал себе слово больше не заниматься ерундой. Но сделать что-нибудь с психическим зарядом, который он по капле влил в любимое число, было нельзя. Теперь эта энергия существовала независимо от него, или, во всяком случае, так казалось. Можно было сколько угодно убеждать себя, что «34» — такое же число, как и все остальные, и клясться, что детские игры остались позади, но глубин души это не затрагивало. Стоило ему увидеть тройку рядом с четверкой, как дрожание центрального нерва личности показывало, что его договор с числами остается в силе — и будет теперь в силе всегда.

43

Из круглолицего мальчика Степа превратился в такого же круглолицего молодого человека, словно все возрастные трансформации свелись к тому, что его накачали насосом и подкрутили вверх усы. Если бы в Степином окружении нашелся человек, знающий о его тайне, он, наверно, увидел бы в чертах его лица связь с числом «34». У Степы был прямой, как спинка четверки, нос — такие в эпоху классического образования называли греческими. Его округлые и чуть выпирающие щеки напоминали о двух вы-